

- ⁶⁴ Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Stuttgart, 1974. S. 69.
- ⁶⁵ Heeresadjutant. S. 66–68.
- ⁶⁶ BA-MA, RH 2/390, siehe Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 192.
- ⁶⁷ Bestimmungen für die Marsch- und Gefechtsübung motorisierter Verbände 1939. Berlin, 1939. BA-MA, RH 10/1.
- ⁶⁸ Studie vom 11.1.1940, BA-MA, RH2/390, Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 194.
- ⁶⁹ Nachkriegsstudie Heusinger/Heinrici, Feldzug in Rußland, цит. в: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 206.
- ⁷⁰ Halder KTB, Bd. I. 375 (30.6.1940).
- ⁷¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 212–214.

© 2011 г. В.Н. ЗЕМСКОВ*

«СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ» ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И МАСШТАБЫ ИХ СМЕРТНОСТИ

Различным аспектам истории Великой Отечественной войны посвящена обширнейшая литература, и тем не менее есть вопросы, по которым далеко не все ясно. К таковым относится и поднятая мною проблема. Имеются публикации, непосредственно посвященные истории советских военнопленных¹, но вопрос об их общей численности и масштабах смертности остается открытым. На этот счет в научной литературе и публицистике до сих пор бытуют самые разнообразные оценки. Я не претендую на изучение проблемы плена в широком смысле и остановлюсь только на статистике. Разобраться в этом, на мой взгляд, следует посредством максимального приближения к показаниям (подчас спорным и противоречивым) известных к настоящему времени исторической науке документальных источников. Интуитивные оценки в расчет не брались, а использовались только величины (цифры), которые подкреплены ссылками на документы.

Численность советских военнопленных была известна по немецким источникам еще с конца 1950-х гг. – с начала войны до 1 февраля 1945 г. в немецкий плен попало более 5.7 млн (5 754 тыс. человек)². Эту информацию выявил в немецких архивах американский историк А. Даллин и опубликовал в своей монографии «Германское правление в России. 1941–1945», вышедшей в 1957 г. на английском языке, а в 1958 г. – на немецком. В СССР Даллин был немедленно причислен к «буржуазным фальсификаторам», и введенная им в научный оборот статистика (документально подтвержденная) не использовалась в научных трудах вплоть до конца советской эпохи (часто и в постсоветское время). В зарубежной же историографии, наоборот, эта статистика по сей день котируется как наиболее достоверная. Часто исследователи указывают более низкую численность военнопленных: от 4 до 5.2 млн человек. Однако в данной ситуации корректировка возможна только в сторону увеличения, исходя из предположения, что в немецкой статистике имелся какой-то недоучет. Корректировка же в

* Земсков Виктор Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

сторону понижения совершенно исключена. Сам Даллин допускал, что выявленная им статистика, возможно, неполная³.

Величина 5.75 млн человек слагалась из 3.35 млн взятых в плен в 1941 г. и 2.4 млн – с 1 января 1942 г. по 1 февраля 1945 г. Здесь явно имеется недоучет данных за 1941 г., не хватает 450 тыс. пленных. Ибо по состоянию на 11 декабря 1941 г., согласно сводке донесений немецких воинских частей, численность советских военнопленных составляла 3.8 млн человек⁴. Затем из этого количества таинственно «исчезли» 450 тыс. Нас несколько не удовлетворяют возможные объяснения об «уточнении» цифр. Дело гораздо серьезнее. 3.8 млн – это число пленных по донесениям воинских частей, а 3.35 млн – соответствующие данные лагерной статистики. Получается, что в 1941 г. 450 тыс. пленных погибли после момента пленения до поступления в лагерь.

Есть на этот счет и соответствующие свидетельства. Объясняя на Нюрнбергском процессе (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.) причины массового вымирания советских военнопленных, захваченных под Вязьмой в октябре 1941 г., подсудимый, бывший начальник штаба ОКВ*, генерал-полковник А. Йодль заявил: «Окруженные русские армии оказывали фанатическое сопротивление, несмотря на то что последние 8–10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально корой и корнями деревьев, так как отошли в непроходимые лесные массивы, и попали в плен уже в таком истощении, когда они были едва ли в состоянии передвигаться. Было просто невозможно их везти... Поблизости не было мест для их размещения... Очень скоро начались дожди, а позднее наступили холода. В этом и была причина, почему большая часть людей, взятых в плен под Вязьмой, умерли»⁵.

Это свидетельство подтверждает факт массовой смертности пленных до поступления в лагерь. Поэтому произведенное немцами снижение числа взятых в плен в 1941 г. советских военнослужащих почти на 450 тыс. человек и соответственно всей статистики за всю войну с 6.2 млн до 5.75 млн являлось не просто «уточнением», а «списанием», и в немецкой лагерной статистике погибшие пленные, естественно, не учтены. Любопытное исследование провели И.А. Дугас и Ф.Я. Черон. Они установили, что в начале 1942 г. было «скорректировано» в сторону понижения (с 3.8 млн до 3.35 млн) только итоговое количество попавших в 1941 г. в немецкий плен советских военнослужащих, а первичные данные (донесения воинских частей) остались без изменений и при их суммировании дают именно 3.8 млн человек⁶.

На Нюрнбергском процессе советская сторона представила документ из аппарата рейхсминистра оккупированных восточных территорий А. Розенберга (это была справка на имя рейхсмаршала Г. Геринга, датированная 1 февраля 1942 г., но сведения в ней давались по состоянию на 10 января 1942 г.), в котором говорилось об общем числе советских военнопленных и называлась цифра в 3.9 млн, из них имелись в наличии только 1.1 млн⁷. О «недостающих» 2.8 млн в справке ничего не говорилось, но из других немецких источников известно, что общее количество умерших советских военнопленных к середине января 1942 г. перевалило за отметку в 2 млн человек⁸ – и это только умершие в лагерях, без учета свыше 400 тыс. пленных, погибших еще до поступления туда. Освобожденных и бежавших из плена максимально могло быть 400 тыс. В итоге к 10 января 1942 г. всего взяты в плен 3.9 млн советских военнослужащих, из них умерли – 2.4 млн, находились в наличии – 1.1 млн, освобождены и бежали – 400 тыс. Историкам известен еще один источник – сводка донесений немецких штабов, – где также по состоянию на 10 января 1942 г. названо общее число советских военнопленных в 3.9 млн человек⁹. Затем величины 3.8 млн (на 11 декабря 1941 г.) и 3.9 млн (на 10 января 1942 г.) исчезают из немецкой

* ОКВ – Верховное командование вооруженных сил Германии.

статистики и появляются «уточненные» 3.35 млн за 1941 г. Как это произошло и при каких обстоятельствах, исследователям выяснить пока не удалось.

Надо иметь в виду, что нацисты при их амбициозности и тщеславии не могли просто так принизить собственные «успехи» в пленении войск противника. Они явно чего-то опасались. Возможно, прав западногерманский историк К. Штрайт в своем подозрении, что природа «статистического изъяна» кроется в желании скрыть «грубейшие нарушения» от Международного Красного Креста, представители которого время от времени допускались для обследования положения военнопленных¹⁰.

Российский исследователь П.М. Полян, автор дважды издававшейся (в 1996 и 2002 гг.) монографии «Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация», говоря об «уточнении» немецкой статистики за 1941 г. посредством снижения общего числа советских пленных с 3.8 до 3.35 млн человек, высказал неприемлемое, на мой взгляд, предположение: «Не вполне ясно, учтены ли в этих цифрах военнопленные, отпущенные на свободу»¹¹. По документам известно, что в период с июля по ноябрь 1941 г. немцы отпустили почти 318.8 тыс. советских пленных¹². Однако последние не имеют отношения к «исключенным из статистики». Из анализа содержащегося в монографиях Даллина и Штрайта обильного статистического материала с детальным указанием «убыли» («умерло», «казнено», «освобождено», «бежало» и т.д.) освобожденные в течение всей войны неотъемлемой составной частью входили в сводную «уточненную» немецкую статистику общей численности советских военнопленных. Это значит, что они (освобожденные) в статистике за 1941 г. входили в «уточненные» 3.35 млн, а в «списанных» 450 тыс. их нет.

С 1 января 1942 г. по 1 февраля 1945 г., согласно германским документам, в немецкий плен попали 2.4 млн советских военнослужащих. Если сюда прибавить 3.8 млн пленных 1941 г., то их общее число составляет не 5.75, а 6.2 млн человек. Это состояние до 1 февраля 1945 г., и следует учитывать, что некоторое количество (вероятно, незначительное) советских солдат и офицеров попали в плен в феврале–апреле 1945 г.

Но ведь существовал еще финский и румынский плен. По финскому плену за 1941–1944 гг. имеются точные данные – 64 188 человек¹³. Статистики такого же характера по румынскому плену нет, а имеющиеся в научной литературе вполне приемлемые оценки варьируются обычно в пределах от 40 до 45 тыс. человек¹⁴. Советские военнослужащие, взятые в плен венгерскими, итальянскими и словацкими войсками, передавались немцам и учтены в их статистике. Следовательно, общая численность советских военнопленных (суммарно по немецкому, финскому и румынскому плену) составляла около 6.3 млн человек.

В отечественной историографии наиболее авторитетным источником по рассматриваемому вопросу считается подготовленный коллективом военных историков под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева и изданный в 1993 г. статистический сборник «Гриф секретности снят». Это издание готовилось под эгидой Генерального штаба и Министерства обороны РФ с определенной претензией на директивность. В нем в графе «Пропало без вести, попало в плен» указана цифра 4 559 тыс. человек¹⁵. Имеется и пояснение: «Всего в плену находилось 4 059 тыс. советских военнослужащих, а около 500 тыс. погибло в боях, хотя по донесениям фронтов они были учтены как пропавшие без вести»¹⁶. Далее читаем: «Кроме того, в начальный период войны было захвачено противником около 500 тыс. военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в войска»¹⁷.

Перед нами статистика совсем иного масштаба, нежели немецкая. По расчетам Кривошеева и его коллег, максимально могли попасть в плен не более 4.2 – 4.3 млн военнослужащих (с учетом захваченных противником военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в штаты воинских

Динамика попадания в немецкий плен советских военнослужащих*

Годы	По немецким источникам	По данным «Комиссии А.Н. Яковлева»	Насколько больше (+) или меньше (–)
Всего	6.2 млн**	4.07 млн	–2.13 млн
в том числе:			
1941	3.8 млн**	почти 2 млн	–1.8 млн
1942	1 653 тыс.	1 339 тыс.	–314 тыс.
1943	585 тыс.	487 тыс.	–98 тыс.
1944	147 тыс.	203 тыс.	+56 тыс.
1945	34 тыс.***	40.6 тыс.	+6.4 тыс.

* Составлено по: *Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945: Eine Studie über Besatzungspolitik.* Düsseldorf, 1958. S. 440; Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.

** В немецких данных за 1941 г. приводятся не «уточненные» 3.35 млн, а то количество (3.8 млн), которое зафиксировано в сводке немецких воинских частей. Соответственно этому и общее число советских военнопленных за всю войну составляет не 5.75, а 6.2 млн человек.

*** Немецкие данные за 1945 г. доведены только до 1 февраля.

частей). Общая численность советских военнопленных получается почти на 2 млн меньше, чем это было указано в немецких сводках. Понимая, что их расчеты резко расходятся с показаниями германских источников, авторы сборника попытались опровергнуть немецкую статистику, приводя доводы, что противник якобы «завышал» число пленных, включая туда находившихся при войсках партийных и советских работников, гражданских лиц (мужчин) и т.п.¹⁸ Согласен, что такая практика была, но и соответствующая корректировка радикально не меняет положения: немецкая и «кривошеевская» статистики остаются разномасштабными. Приведенные в книге «Гриф секретности снят» расчеты существенно искажают реальную картину. Таково и общее мнение всех ведущих специалистов, занимающихся разработкой этой проблемы. Так, Полян обращает внимание на недостоверность этих «расчетов» и, не без юмора и сарказма назвав их «альтернативными результатами», констатирует, что «говорить о коррективном сравнении» с немецкими данными «было бы преждевременно»¹⁹. Исследователь недвусмысленно дал понять, что подобного рода «расчеты» не могут всерьез восприниматься в научном историческом сообществе.

Определением общего числа попавших в плен военнослужащих занималась также Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий во главе с А.Н. Яковлевым («Комиссия А.Н. Яковлева»). По ее данным, за все время войны попало в плен 4.07 млн военнослужащих²⁰. Эти цифры еще более сомнительные, нежели те, что привели авторы сборника «Гриф секретности снят». В отличие от противника, считавшего пленных по головам (в прямом смысле), члены «Комиссии А.Н. Яковлева» пользовались какой-то другой «методикой» подсчета, суть которой не раскрыли. Немецкую статистику они проигнорировали и «изобрели» альтернативную, на мой взгляд, заведомо недостоверную. Реально комиссия могла опираться на какие-то данные о пропавших без вести (за 1941–1943 гг. явно неполные), а затем из них умозрительно вычислять попавших в плен. Комиссия представила рассчитанную ею динамику попадания в плен в военные годы (в книге «Гриф секретности снят» этого нет), что позволило сопоставить ее с имеющейся в немецких источниках соответствующей динамикой (см. табл. 1).

При сопоставлении указанных в таблице 1 данных бросается в глаза их вопиющая неадекватность. В статистике «Комиссии А.Н. Яковлева» нелепо выглядит взятая «с потолка» и чрезмерно заниженная численность попавших в

плен в 1941 г. (почти 2 млн человек). Это противоречит показаниям всего комплекса имеющихся источников. Неточность данных за 1942–1943 гг. проявляется в значительно меньшей степени, нежели за 1941 г. Форменный сюрприз преподнесла комиссия при исчислении попавших в плен в 1944 г., насчитав на 56 тыс. человек больше, чем это указано в немецкой статистике.

В некоторой степени указанная неадекватность объясняется разницей в определении понятия «военнопленные». Противник трактовал его значительно шире, не ограничиваясь только военнослужащими. Немцы относили к военнопленным личный состав спецформирований различных гражданских ведомств (путей сообщения, морского и речного флотов, оборонного строительства, гражданской авиации, связи и т.д.), незавершенных формирований народного ополчения, отрядов самообороны городов и местной противовоздушной обороны, истребительных отрядов, милиции, а также часть партизан и подпольщиков, партийных и советских работников; часть гражданских лиц, мужчин, в которых противник подозревал переодетых красноармейцев; больных и раненых военнослужащих в госпиталях, которые ранее в донесениях советских военных частей были учтены как санитарные потери²¹.

Подавляющее большинство перечисленных категорий лиц – как правило вооруженные люди, совместно с военнослужащими участвовавшие в боевых действиях. Я в корне не согласен с трактовкой авторов книги «Гриф секретности снят», что противник неправомерно включал их в военнопленные и за счет этого «завышал» их число. Спрашивается: а куда противник должен был включать захваченных вооруженных врагов? Естественно, в военнопленные. Однако несмотря на внушительный перечень категорий этих «неправомерно включенных» (по версии Кривошеева), их удельный вес в составе военнопленных был незначительным (едва ли более 5%). Поэтому даже с учетом этой корректировки разномасштабность между немецкой и отечественной («кривошеевской» и «яковлевской») статистиками отнюдь не устраняется.

Главная же причина указанного несоответствия статистик кроется в другом: в сборнике «Гриф секретности снят» действительное количество пропавших без вести занижено примерно на 30%. Это можно доказать, оперируя статистическими показателями данного сборника. Там сказано, что за годы войны из вооруженных сил убыло по различным причинам в общей сложности 21.7 млн человек²². Далее следует подробное перечисление составляющих этой убыли с указанием их численности (упомянутые 4.559 млн там присутствуют), но в сумме получается не 21.7, а 19.45 млн²³. Не хватает 2.25 млн человек (21.7 млн – 19.45 млн). Составители сборника видели эту нестыковку в статистике и объяснили «недостающую убыль» отчисленными из армии и флота по политической неблагонадежности (включая лиц ряда национальностей, семьи которых насильственно выселялись в восточные районы СССР), а также «значительным количеством неразысканных дезертиров»²⁴.

«Недостающая убыль» (2 млн человек) однозначно относится к категории пропавших без вести. Из этого следует, что в графе убыли под названием «Пропало без вести, попало в плен» должно быть не 4 559 тыс., а свыше 6.5 млн (4 559 тыс. + 2 млн человек). После этого многое можно объяснить, а главное, немецкая и отечественная статистики становятся одномасштабными. Подавляющее большинство из этих более 6.5 млн, безусловно, попало в плен, хотя какая-то их часть, конечно же, пропала без вести по иным причинам. С учетом указанного выше расширительного толкования противником понятия «военнопленные» установленное мною общее количество советских военнопленных (6.3 млн), опровергаемое отечественной статистикой, вполне укладывается в ее рамки.

Можно считать установленным, что к февралю 1942 г. уже не было в живых более 2.4 млн советских военнопленных. В дальнейшем масштабы смерт-

ности заметно снизились – с февраля 1942 г. до конца войны умерли, по моим расчетам, еще около 1.5 млн человек. Это явилось следствием изменения подхода германского руководства к данной проблеме, которое проистекало отнюдь не из гуманистических побуждений, а из сугубо прагматических – до февраля 1942 г. большие массы советских военнопленных воспринимались как ненужный балласт, от которого избавлялись, а теперь стали смотреть на них как на источник рабочей силы. Претерпела разительные перемены динамика ежемесячной смертности. Если в первые 7 с лишним месяцев войны (по январь 1942 г. включительно) в среднем в месяц умирало порядка 340–350 тыс. советских военнопленных, то в последующие 39 месяцев (февраль 1942 – апрель 1945) – 35–40 тыс.

Рассмотрим, в какой степени результаты моего исследования о масштабах смертности советских военнопленных согласуются с выводами наиболее авторитетных специалистов в этой области. Штрайт, лично обработавший и изучивший огромный массив германских документов, пришел к выводу, что в немецком плену умерли 3.3 млн советских военнопленных, из них около 2 млн – до февраля 1942 г.²⁵ При этом Штрайт допускал, что какая-то часть из почти 0.5 млн «исключенных из статистики» за 1941 г. военнопленных в действительности погибла, но не решился включить их в общую статистику смертности. Напротив, Даллин был уверен, что «исключенные» – это в основном погибшие на этапах пленения и транспортировки в лагеря, и полагал, что общее число умерших советских военнопленных составляло 3.7 млн²⁶. Что касается И.А. Дугаса и Ф.Я. Черона, то они согласились с выводами Даллина²⁷. Таким образом, в зарубежной научной литературе оценка смертности советских военнопленных в 3.7 млн человек представляется наиболее убедительной и приемлемой. Подчеркну, что именно такое количество умерло в плену. Установленные мною 3.9 млн человек включают в себя все без исключения категории военнопленных, в том числе погибших коллаборационистов (ориентировочно 200 тыс.), в частях вермахта, армии Власова и прочих изменнических (воинских и полицейских) формированиях.

Как же оценивает масштабы смертности советских военнопленных коллектив военных историков во главе с Г.Ф. Кривошеевым? В сборнике «Гриф секретности снят» читаем: «673 тыс., по немецким данным, умерли в фашистском плену (на самом деле немецкие данные совсем другие. – В.З.). Из оставшихся 1 110.3 тыс. чел[овек], по нашим данным, больше половины составляют тоже умершие (погибшие) в плену»²⁸. Затем цифры 673 тыс. и 1 110.3 тыс. складываются и получается непонятная величина в 1 783.3 тыс. человек, которая в виде итоговой цифры помещена в рубрике «Не вернулось из плена (погибло, умерло, эмигрировало в другие страны)»²⁹. В результате этих более чем странных арифметических манипуляций реальные масштабы смертности советских военнопленных были «подсокращены» более чем на 2 млн человек. Это – редкостный образец «статистической алхимии». Понятно, что данными подобного рода нельзя пользоваться в научной, преподавательской и пропагандистской работе.

В 2001 г. вышло второе издание книги «Гриф секретности снят» под названием «Россия и СССР в войнах XX века» (руководитель – тот же Кривошеев). В ней нелепая цифра 1 783.3 тыс. прямо не упоминалась, но, к сожалению, использовалась авторами в расчетах принципиального характера, что делает их результаты неправильными. Именно эта заведомо недостоверная цифра составляет разницу между демографическими потерями военнослужащих (8 668.4 тыс.) и боевыми и не боевыми потерями советских вооруженных сил убитыми и умершими (6 885.1 тыс.)³⁰. Арифметика здесь проста: $8\,668.4 \text{ тыс.} - 6\,885.1 \text{ тыс.} = 1\,783.3 \text{ тыс.}$ Можно произвести и другое арифметическое действие: $6\,885.1 \text{ тыс.} + 1\,783.3 \text{ тыс.} = 8\,668.4 \text{ тыс.}$ Как не считать, все

равно всплывает этот «статистический суррогат» (1 783.3 тыс.). Поясняя, что 2 другие цифры (8 668.4 тыс. и 6 885.1 тыс.) различаются тем, что первая из них учитывает погибших в плену, а вторая – нет. И тут становится ясно, что рассчитанный «кривошеевским» коллективом масштаб демографических потерь военнослужащих за время войны (8 668.4 тыс.), воспринимаемый многими исследователями как вполне достоверный, на самом деле таковым не является и нуждается в коренном пересмотре.

Справедливости ради надо сказать, что далеко не все российские военные историки неукоснительно следуют статистическим установкам Кривошеева и его коллег. Так, Н.П. Дембицкий в статье «Судьба пленных», опубликованной в 2004 г., сделал следующий вывод: «Всего советских военнопленных было не менее 5 млн человек, из которых свыше 3 млн погибли»³¹. Это можно принять как допустимую точку зрения, не выходящую за рамки здравого смысла. Другой военный историк, В.А. Пронько, в вышедшей тогда же в свет статье «Цена победы», совершенно проигнорировав «кривошеевские» расчеты, целиком оперировал наиболее ходовой в западной историографии статистикой: всего советских военнопленных было 5.7 млн, из числа которых «от голода и болезней умерли либо были расстреляны около 3 300 тысяч человек»³². Из этих цифр совершенно правильно определяется число выживших (2.4 млн), а вот общее количество военнопленных и масштабы их смертности занижены на 600 тыс. Повторю, что всего советских военнопленных было порядка 6.3 млн, из них около 3.9 млн погибли и умерли и не менее 2.4 млн остались в живых. Эта статистика уже введена в научный оборот. Например, именно она указана в соответствующем томе фундаментального научного труда «Население России в XX веке: Исторические очерки»³³.

Известно, что одна часть военнопленных содержалась в лагерях на оккупированной территории СССР, другая – в Германии и ряде европейских стран (подвластных и союзных ей). По данным Штрайта, до 1 мая 1944 г. в рейхе перемещалось 3.1 млн советских военнопленных³⁴. Эти данные, безусловно, достоверные. К ним следует добавить как минимум 200 тыс. человек, взятых в плен в период с мая 1944 г. по апрель 1945 г. и содержавшихся в плену в Финляндии, Румынии и на территориях других стран. Следовательно, из 6.3 млн военнопленных за пределами СССР оказались не менее 3.3 млн.

С достаточно высокой степенью достоверности можно утверждать, что из числа военнопленных, содержавшихся в Германии и других странах, осталось в живых около 1.7 млн (суммарная численность репатриантов и «невозвращенцев»). Поскольку они находились вне СССР, то представляли собой живую демографическую потерю. Исправить такое положение могла только их массовая репатриация. В октябре 1944 г. было образовано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генерал-полковником Ф.И. Голиковым, которое занималось не только возвращением на родину военнопленных, но и всех так называемых перемещенных лиц. К середине 1947 г. ведомству Голикова удалось вернуть в СССР из Германии и других стран 1 549.7 тыс. советских военнопленных³⁵. Порядка 150 тыс. по тем или иным причинам не вернулись (эта величина оценочная, максимально допустимая; возможна ее корректировка в сторону понижения).

В научной литературе нередко ошибочно называется другое количество репатриированных военнопленных – 1 836 тыс. Эта цифра, например, фигурирует в сборнике «Гриф секретности снят» в рубрике «Вернулось из плена по окончании войны (по данным органов репатриации)»³⁶. Но дело в том, что органы репатриации включили в свою статистику 286.3 тыс. военнопленных, освобожденных из плена в 1944 – начале 1945 г. в ходе наступления Красной армии на советской территории, и они составной частью вошли в число выживших военнопленных на оккупированной территории СССР. Репатриированных же

военнопленных, по состоянию на середину 1947 г., было именно 1 549.7 тыс. (1 836 тыс. – 286.3 тыс.).

Поскольку за пределами СССР из 3.3 млн военнопленных остались в живых около 1.7 млн, то количество погибших и умерших составляет порядка 1.6 млн (3.3 млн – 1.7 млн). Согласно Штрайту, до 1 мая 1944 г. на территории рейха умерли 1.1 млн советских военнопленных³⁷. У нас нет оснований сомневаться в достоверности этой информации. Однако война продолжалась еще целый год, и какое-то количество умерло именно в этот период. Думается, не будет большой ошибкой, если мы определим количество умерших советских военнопленных на территории тогдашней Германии в период с мая 1944 г. по май 1945 г. величиной порядка 200 тыс. О смертности советских военнопленных в финском плену в 1941–1944 гг. имеется точная статистика – 19 016 человек³⁸. Аналогичных данных по румынскому плену нет, предположительно там умерли около 10 тыс. советских военнослужащих. Десятки тысяч советских военнопленных погибли в других странах Европы – места их захоронений выявлены во Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Польше (той ее части, которая не входила в состав рейха), Югославии, Венгрии и др. Количество этих мест захоронений исчисляется многими сотнями. Советские органы репатриации в 1952 г. располагали информацией, что только в Норвегии находилось 217 таких мест захоронений³⁹. Погибшие коллаборационисты из числа бывших военнопленных тоже входят в общую статистику как не дожившие до конца войны. На мой взгляд, количество умерших за пределами СССР советских военнопленных как около 1.6 млн выглядит достаточно обоснованным.

Определив, что на оккупированной территории СССР содержалось примерно 3 млн советских военнопленных (6.3 млн – 3.3 млн), попробуем вычислить количество выживших. Многие десятки тысяч сумели бежать (полагаю, что их было более 100 тыс.). Как уже отмечалось, немцы с июля по ноябрь 1941 г. отпустили из плена 318.8 тыс. человек – прибалтов, немцев, украинцев, белорусов. В ноябре 1941 г. оккупанты прикрыли подобную «благотворительность» в отношении украинцев и белорусов, но сохранили ее в отношении прибалтов и немцев. В 1942–1944 гг. освобождение из плена производилось лишь при обязательном условии поступления на военную или полицейскую службу. За 3 года (с середины 1941 г. до середины 1944 г.) общее число освобожденных и бежавших из плена на оккупированной территории СССР составляло не менее 500 тыс. человек. Однако мы не можем их всех включить в число выживших, так как какая-то их часть, безусловно, погибла уже после освобождения или побега из плена. Еще 286.3 тыс. военнопленных были освобождены Красной армией на советской территории в 1944 – начале 1945 г.⁴⁰ С учетом всего вышеизложенного, общее количество оставшихся в живых военнопленных на территории СССР, подвергавшейся оккупации, определяется величиной примерно в 700 тыс. человек. Число же погибших и умерших составляет около 2.3 млн (3 млн – 0.7 млн).

В таблице 2 представлены результаты исследований по определению масштабов смертности советских военнопленных (и количества выживших) как в целом, так и отдельно по тем из них, кто содержался на оккупированной территории СССР, а кто в Германии и других странах.

Таким образом, можно считать установленным, что, учитывая все имеющиеся данные и факторы, общее число советских военнопленных, погибших и умерших на оккупированной территории СССР, определяется величиной примерно в 2.3 млн человек. И здесь мы сталкиваемся с еще одной статистической загадкой. На Нюрнбергском процессе советская сторона располагала информацией о том, что на оккупированной территории СССР были убиты и замучены 3.9 млн советских военнопленных. При этом подразумевалось, что их общее число (с учетом неизвестного количества погибших в Германии и других

**Соотношение умерших и выживших советских военнопленных
в 1941–1945 гг. (млн человек)**

	Общее количество	В том числе	
		на оккупированной территории СССР	в Германии и других странах
Всего	6.3	3	3.3
Погибли и умерли	3.9	2.3	1.6
Остались в живых	2.4	0.7	1.7

странах) намного больше. В советских газетах эта цифра до конца 1960-х гг. не называлась и только в 1969 г. «всплыла» в одном из номеров газеты «Правда» в статье бывшего главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко⁴¹. В 1970–1980-х гг. эти 3.9 млн (и обязательно с ремаркой: «на оккупированной территории СССР») появлялись иногда на страницах отдельных научных трудов, в частности в вышедшем в 1973 г. 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»⁴². В изданной в 1985 г. энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» сказано: «Немецко-фашистские захватчики лишь на оккупированной территории СССР уничтожили 3.9 млн советских военнопленных»⁴³.

Естественно, возникает резонный вопрос о происхождении этой загадочной статистики. Выясняется, что это данные действовавшей с конца 1942 г. Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Она насчитала свыше 3.9 млн (3 932 256) убитых и замученных военнопленных на территории СССР, подвергавшейся вражеской оккупации. По регионам оккупированной территории СССР, согласно данным ЧГК, этот показатель распределялся так: РСФСР – 1 125 605, Украина – 1 366 588, Белоруссия – 810 091, Карело-Финская ССР – 3 600, Эстония – 64 тыс., Латвия – 330 032, Литва – 229 737 и Молдавия – 2 603⁴⁴.

Ясно, что эти данные завышены и нуждаются в существенной корректировке. Следует воздерживаться от навешивания на них ярлыков «фальсифицированных» и т.п., поскольку статистика ЧГК была получена в результате кропотливой поисковой работы. Это – исторический источник, требующий серьезного критического анализа и осмысления. Оккупированная территория СССР была покрыта густой сетью лагерей военнопленных, смертность в которых (особенно в зиму 1941/42 г.) носила поистине чудовищные масштабы. Так, 14 декабря 1941 г. Розенберг докладывал Гитлеру, что в лагерях на Украине «в результате истощения ежедневно умирает до 2 500 пленных»⁴⁵. Имеются свидетельства, что во многих из этих лагерей содержались не только военнопленные, но и немало гражданских лиц. Бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа генерал-лейтенант К. фон Остеррейх в своих показаниях отметил, что в подчиненных ему лагерях на Украине одновременно с военнопленными в отдельных бараках содержались под арестом до 20 тыс. советских граждан, взятых в качестве заложников из ряда районов, охваченных партизанским движением⁴⁶.

Похоже, многие захоронения, выявленные комиссиями ЧГК в местах расположения бывших лагерей военнопленных, являлись общими братскими могилами и для военнопленных, и для гражданских лиц (пленных партизан, заложников, партизанских семей и др.). Не исключено, что в них покоится и какая-то часть жертв Холокоста (известно, что на оккупированной территории СССР нацисты уничтожили не менее 2.8 млн евреев). Местные комиссии ЧГК, воз-

можно, относили к погибшим военнопленным все сосчитанные ими останки из захоронений в местах бывших лагерей для военнопленных. Однако только за счет этого не могло образоваться столь значительное завышение соответствующей статистики. В работе комиссий ЧГК широко практиковался опрос свидетелей, поэтому вступал в силу субъективный фактор, и ряд свидетельских показаний мог быть сильно преувеличен.

Собственно, эти данные ЧГК были единственной статистической информацией о советских военнопленных, которой располагала наша историческая наука. Не было ясности в вопросах об их общей численности, масштабах смертности в лагерях в Германии и других странах и количестве оставшихся в живых. Хотя еще с 1960-х гг. нам было известно, что западные историки обычно оперируют величиной в 5.7 млн человек как общим числом попавших в плен советских военнопленных. Было понятно, что многие сотни тысяч военнопленных погибли в лагерях за пределами СССР, но сотни тысяч и выжили. Наши личные представления в тот период (до конца 1980-х гг.) выглядели примерно так: всего попали в плен 5.7 млн человек, из них умерли на оккупированной территории СССР 3.9 млн (сомнение в этой цифре означало тогда «крамолу»), 1 млн – умерли в лагерях в Германии и других странах и 800 тыс. человек остались в живых.

С 1989 г. при работе с документами из ранее засекреченных архивных фондов, а также со ставшими доступными исследованиями зарубежных авторов, наши прежние представления претерпели существенные изменения. Приятной неожиданностью оказался тот факт, что выживших военнопленных было по крайней мере в 3 раза больше, чем ранее представлялось. А вот содержащиеся в передачах «Голоса Америки», «Би-Би-Си» и «Немецкой волны» во времена холодной войны утверждения об ужасной участи бывших военнопленных в Советском Союзе на проверку оказались сильно преувеличенными. Кроме того, умерших оказалось на 1 млн меньше: не 4.9, а 3.9 млн человек.

Гибель огромного количества советских военнопленных – это чудовищное гуманитарное преступление, уступающее по своим масштабам только Холокосту (уничтожение нацистами 6 млн евреев). Результаты нашего исследования подтвердили, что советская сторона на Нюрнбергском процессе располагала в принципе верной статистической информацией о гибели 3.9 млн советских военнопленных. В уточнении нуждается только формулировка: следует убрать оговорку «на оккупированной территории СССР».

Примечания

¹ *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных / Пер. с польск. М., 1963; *Назаревич Р.* Советские военнопленные в Польше в годы Второй мировой войны и помощь им со стороны польского населения // Вопросы истории. 1989. № 3; *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4.

² *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945: Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958. S. 440.

³ *Ibid.*

⁴ *Штрайт К.* Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах / Пер. с нем. М., 1979. С. 99; *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 399; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 65, 71.

⁵ Цит. по: Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945: Обзорный том. М., 1995. С. 260.

⁶ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Указ. соч. С. 399.

⁷ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 234.

⁸ *Streit C.* Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1991. S. 244–246.

- ⁹ *Schustereit H. Vabanque: Hitlers Angriff und die Sowjetunion 1941. Herford; Bonn, 1988. S. 69.*
- ¹⁰ *Streit C. Op. cit. S. 128–130.*
- ¹¹ *Полян П.М. Указ. соч. С. 71.*
- ¹² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 334.
- ¹³ *Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 59.*
- ¹⁴ *Полян П.М. Указ. соч. С. 66–67.*
- ¹⁵ Гриф секретности снят... С. 140.
- ¹⁶ Там же. С. 338.
- ¹⁷ Там же. С. 140.
- ¹⁸ Там же. С. 336–337.
- ¹⁹ *Полян П.М. Указ. соч. С. 66.*
- ²⁰ Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.
- ²¹ Гриф секретности снят... С. 338–339.
- ²² Там же. С. 139.
- ²³ Там же. С. 140.
- ²⁴ Там же. С. 140–141.
- ²⁵ *Streit C. Op. cit. S. 244–246.*
- ²⁶ *Dallin A. Op. cit. S. 440.*
- ²⁷ *Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 399.*
- ²⁸ Гриф секретности снят... С. 338.
- ²⁹ Там же. С. 131.
- ³⁰ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 237.
- ³¹ *Дембицкий Н.П. Судьба пленных // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 236.*
- ³² *Пронько В.А. Цена Победы // Там же. С. 392.*
- ³³ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 144.
- ³⁴ *Streit C. Op. cit. S. 244.*
- ³⁵ ГА РФ, ф. 9526, оп. 3, д. 54, л. 53; д. 55, л. 135.
- ³⁶ Гриф секретности снят... С. 131.
- ³⁷ *Streit C. Op. cit. S. 244–245.*
- ³⁸ *Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 59.*
- ³⁹ ГА РФ, ф. 9526, оп. 4а, д. 7, л. 125–126.
- ⁴⁰ Там же, д. 1, л. 62, 223, 226.
- ⁴¹ *Руденко Р.А. Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта. С. 4.*
- ⁴² История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. М., 1973. С. 390.
- ⁴³ Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 157.
- ⁴⁴ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1976. С. 369.
- ⁴⁵ *Streit C. Op. cit. S. 259.*
- ⁴⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. Т. 3. М., 1958. С. 130.

КАЛУГА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ: дневник врача Михаила Устрялова

Среди документального наследия военных лет особую ценность представляют дневниковые записи рядовых советских граждан, очевидцев и непосредственных участников событий. Научная и общественная значимость этих источников состоит не только в том, что они дают возможность увидеть события прошлого глазами «простого» человека, жителя города или села, но и в том, что изначально по своей природе этот вид источника крайне малочислен в сравнении с большим количеством опубликованных официальных документов, постановлений, резолюций. Именно дневниковые записи